

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Лучший экипаж Солнечной • Саботажник

ОЛЕГ ДИВОВ
НЕБО И ЗЕМЛЯ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д44

Разработка серийного оформления
Константина Гусарева

Дивов, Олег Игоревич.
Д44 Небо и Земля / Олег Дивов. — Москва : Эксмо, 2022. —
608 с.

ISBN 978-5-04-168846-2

«Лучший экипаж Солнечной» — лихая и жестокая история военных астронавтов, которые были героями, а потом оказались не нужны, брошены, преданы и, наконец, прокляты. Не надо так с людьми, чья профессия — космический бой, а призвание — защищать и служить.

«Саботажник» — книга-обманка, вроде бы про идиотизм и бесконечную пьянку на планете, где по небу летают крокодилы, а под ногами течет эликсир бессмертия. А еще про войну и мир, жизнь и смерть, веру и надежду.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168846-2

© Дивов О., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

Часть I

Над землёй

Из одежды на дежурном навигаторе Иве Кендалл были только боевой спецкостюм и ниточка от тампакса. В принципе рабочую форму военного астронавта даже рекомендуется надевать иногда на голое тело. Лучше чувствуешь, как действуют усилители. Спецкостюм в какой-то степени оружие, и эффективно пользоваться им учатся годами. Ещё в костюме нельзя выходить за ворота наземных баз. Иначе, вздумай ты дать кому-нибудь в лоб, у противника отвалится голова, а тебе нужен будет протез кисти.

С пристёгнутыми ботинками костюм мгновенно превращается в скафандр: стоит только поднять капюшон и опустить маску. Ботинки Ива сунула под свой пульт. Астронавты любят на работе ходить босиком. Во-первых, пол на корабле стерильный, чуть подогретый и очень приятный на ощупь. Во-вторых, ботинки страшно тяжёлые. В-третьих, шляться по кораблю разутым категорически запрещено.

Но когда на борту такой бардак, что за подвижность отвечает женщина, у которой месячные начнутся с минуты на минуту, нести вахту можно хоть нагишом.

По сравнению с тем, что бомбардир Фокс третьего дня сломал нос старшему технику, это вообще не будет считаться за проступок.

Тем более что в сейфе малого оперативного штаба нашли канистру самогона.

И контроль отражателей барахлит.

А на дне бассейна какой-то самородок очень реалистично нарисовал активной краской двухметровый фаллос. Краска намертво

взелась в покрытие, а бассейн такой здоровый, что выбрасывается только вместе с кораблём. И замазать эту порнографию невозможно, потому что сквозь другой цвет активная краска просочится, а в бассейне с радикально красным дном беззаботно плещутся только утопленники.

Под давлением таких печальных обстоятельств старпом Боровский, который ещё полгода назад скорее удавился бы, чем поставил на дежурство женщину в критические дни, только сказал: «Ты, Кенди, поаккуратнее, да?» А Кенди именно одного дежурства в этом месяце не хватало, чтобы в платёжной ведомости нарисовался лишний нолик.

Кенди-Конфетка в списках группы F значится как мастер-навигатор капитан-лейтенант Иветта Кендалл. Ей тридцать лет, она стриженная под мальчика зеленоглазая блондинка и потрясающе водит корабли. На парадном кителе у неё две Летучих Медали, Офигенный Лётный Крест и очень редкая для астронавта награда: Пурпурное Сердце. Это штука до того серьёзная, что острословы просто не придумали, как её обозвать. Дело в том, что военный астронавт почти никогда не бывает ранен. Он, как правило, сразу оказывается убит. И не столько наповал, сколько вдребезги, а то и в клочья. Потому что с дыркой в обшивке жить и воевать можно. А вот с дыркой в обшивке и дыркой в спецкостюме — это вряд ли. Это, как любит говорить адмирал Рашен, стопроцентный pizdets.

Во всей группе F кавалеров Пурпурного Сердца только трое. И все ходят на флагмане. Трёхзвёздный адмирал Рашен, он же командир «Тушканчика», старпом командер¹ Жан-Поль Боровский и мастер-навигатор капитан-лейтенант Иветта Кендалл.

Рашен получил Сердце в незапамятные времена, когда был по званию едва-едва капитаном и гордого прозвища Рашен ещё не носил. Кто-то там в него стрелял. Ну и он кого-то шлёпнул. А вот Боровский и Кенди схлопотали по медали вместе, три года назад, за вторую марсианскую кампанию. В составе призовой команды вели на базу трофейный бэттлшип «Энтерпрайз» и едва не стали жерт-

---

¹ Коммандер (*здесь*) — капитан третьего ранга.

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

вами диверсии. Здоровенная дура размером с Фобос неожиданно взбрыкнула и так об этот самый Фобос приложилась, что пришлось её списать на металлолом. Боровский в момент рывка уже отстегнулся и стоял на ногах. Старпома размазало по стене, и в таранном ударе о спутник он участвовал пассивно, валяясь без сознания. А Кенди боролась за корабль до последней секунды, умудрилась-таки перевести удар из лобового в скользящий, и все было бы ничего, но тут у неё кресло сорвалось с креплений. Три ребра Кенди оставила на краю пульта управления и тридцать зубов — в маске спецкостюма. Заработала на память шрам под левой грудью, красивые зубы за счёт Адмиралтейства и медаль. И ещё, говорят, сам Рашен её на руках нёс и чуть не плакал. Только из этого Кенди удовольствия не извлекла, поскольку уже отдавала концы, и явился ей некто белый и пушистый. Так бы он её и увел к себе, если бы не гениальный спецкостюм и не отчаянный Рашен. Спецкостюм не дал Кенди мгновенно помереть от ударной деформации. А Рашен привел «Тушканчик» к Фобосу с такими бешеными ускорениями, что потом вся команда ещё неделю ходила, пошатываясь. Кстати, сам адмирал перегрузку «держит» плохо. Не мальчик уже, сорок шесть мужику. Но пожалей он себя и опоздай минут на двадцать — была бы у Кенди другая медаль и посмертно.

А теперь и война кончилась, и на вахту можно выйти босиком и без трусов, старшие офицеры лупят друг друга по морде, как сопливые курсанты, а в бассейне кто-то член нарисовал. Адмирал уехал вниз на совещание. Единственное позитивное событие — то, что над контролем отражателей колдует новый старший техник. Очень красивый мужик по фамилии Вернер. Такое у него лицо... Кошачье. «Зовите меня просто Энди, капитан». — «А вы будете звать меня Кенди, лейтенант? Энди и Кенди. А?..» — «Извините, капитан, я, кажется, допустил бестактность». — «Не берите в голову, лейтенант. Я просто хотела тонко намекнуть, что вы ещё не свой на „Тушканчике“. Получилось?» — «Получилось, капитан. Принял к сведению. Не сочтите за труд, отрубите питание вот здесь». — «Запросто... Энди». — «Спасибо, капитан».

Держится как ветеран. Лет примерно тридцать пять. Мог бы быть капитаном, но всего лишь лейтенант. А на груди планка. Одна-

единственная медаль. Четвёртое на «Тушканчике» Пурпурное Сердце.

Ива рассеянно перелистнула на своем терминале несколько страниц женского романа (ещё одно злостное служебное нарушение) и отвернулась к большому, во всю стену, обзорному экрану. В боевой рубке экран такой, что дух захватывает. А здесь, в ходовой, просто большой.

«Тушканчик» летел над Россией. Внизу не было огней, и легендарная страна выглядела с орбиты пугающей в своей безбрежности чёрной дырой.

В углу Вернер одной рукой выбивал команды на «доске» мобильного терминала, а другой перебрасывал контакты. Работал он красиво и явно с удовольствием. А ещё красивее было то, как при каждом повороте головы скакал у него с плеча на плечо длинный, чуть не до лопаток, коричневый хвост, схваченный на затылке резинкой с кожаным чёрным бантиком. Волосы у Энди просто обалденные. Блестящие и холёные. Ива невольно залюбовалась ими, с сожалением подергала себя за чёлку и застыла, поражённая догадкой. На «Тушканчике» все мужики по окончании войны начали отпускать такие же хвосты по моде средневековых аристократов. В знак протеста: мол, вы решили армию распустить, а мы тогда будем ходить обросшие и небритые. Но пока ещё хвостики у ребят были куцые. А вот Энди... Оказывается, мастер-техник лейтенант Вернер очень давно не был в космосе. Как минимум — на боевых кораблях.

Ива как раз примерялась задать Вернеру какой-нибудь хитрый провокационный вопрос, когда в ходовую рубку, шлёпая босыми ногами, вошла Линда.

— Здорово, мать! — провозгласила она с порога. — Как жизнь половая?

В отличие от Ивы, Линда сейчас не дежурила, но тем не менее оказалась в трусах. Правда, больше на ней не было вообще ничего. Вернер бросил на Линду косой взгляд, неожиданно смутился и нырнул в свою машинерию аж по пояс.

— Жизнь нормально, — ответила Ива, исподволь разглядывая Линду и прислушиваясь к странным ощущениям где-то внутри. У Ивы не было гомосексуального опыта, и она не хотела признаться

себе, что крупная и сильная белокурая Линда волнует её. Ива вдруг представила, как эта тяжёлая полная грудь с коричневыми сосками ложится ей на живот, большой жадный рот по очереди заглатывает целиком её маленькие острые груди, сильная рука широко раздвигает колени, и властные пальцы ударом, толчком входят в неё... Чтобы отогнать видение, пришлось зажмуриться и помотать головой. Конечно, в реальности ничего подобного случиться не могло, да Ива и не особенно этого хотела. Но от Линды сейчас шла такая мощная волна сексуальных эмоций, что не поддаться её настроению было просто невозможно.

— Ты чего морщишься? — спросила Линда. — Нездоровится?

— Да нет, — отмахнулась Ива. — Первый день. Грудь побаливает и вообще...

— А-а... Соболезную. Прими таблеточку.

— Да уже. Ты-то как, подруга?

— Мне уже таблетками не поможешь, — заявила подруга. — Вниз пора. Трахаться.

Вернер, который в этот момент осторожно выползал, пятясь, из недр контрольного пульта, крепко стукнулся затылком и что-то неразборчиво буркнул. Линда хищно уставилась на его ягодички и машинально почесала зад.

— Ну, потерпи недельку, — сочувственно вздохнула Ива. Они были с Линдой в одной смене и через восемь дней вместе отправлялись вниз, то есть на Землю, на отдых и тренировочные курсы. В мирное время служба на кораблях группы F шла двухнедельными циклами. Четырнадцать дней наверху, сутки на пересменку и тринадцать дней внизу. И наверху, как правило, было не до мыслей о сексе. Да и модель отношений между астронавтами исторически сложилась не та. Экипаж — семья. Братья и сестры. Все друг друга любят, берегут, разве что пылинки не сдувают. Неуставные безобразия в группе F начались совсем недавно. Армия переживала глубочайший кризис, и людям приходилось нелегко.

— Через недельку как раз у меня месячные начнутся, — объяснила Линда. — Ну ладно, подруга. Вижу я, ты в порядке. Неси службу. Пойду, что ли, изнасилую кого-нибудь... — Она крепко хлопнула Иву по плечу, цыкнула зубом в сторону притихшего в углу Вернера

и, демонстративно вихляя бёдрами, покинула рубку. Вернер уткнулся носом в монитор и деловито застучал по «доске». Ива любовалась его причёской. Потом вдалеке Линда заорала: «Здорово, отец! Как жизнь половая?!» Из коридора донеслись хохот и звучные шлепки по голому телу.

— Насколько я помню, на круизерах положен по штатному расписанию психолог, — задумчиво произнёс, не отрываясь от работы, Вернер.

— Он только что был здесь, — ответила Ива равнодушно.

Вернер обернулся и посмотрел на Иву в лёгком изумлении. Ива заметила, какие у него красивые глаза, и потупилась.

— Однако! — пробурчал Вернер.

— Она с нами всю вторую марсианскую кампанию прошла, — заметила Ива. — Ей буквально цены нет. Между прочим, Линда капитан.

— Кстати, о второй марсианской, — сменил тему Вернер. — Я всё хотел спросить... Откуда у вас Пурпурное Сердце, капитан?

— Воевала, — ответила Ива неожиданно сухим тоном. Ей даже стало немного стыдно. — А у вас, лейтенант?

— Болел, — отрезал Вернер и вернулся к работе.

«Обиделся, — подумала Ива. — Ну и дурак». Она снова отвернулась к экрану. В поле зрения показалась чудовищная туша висящего на геостационарной орбите мегадестроера «Джон Гордон». Ярко-белую букву F на его необъятном черном брюхе можно было разглядеть с Земли в театральные бинокль. С помощью этой буквы «Гордон» выполнял значительную часть своей работы — напоминал, кто в мире хозяин. Увы, марсианские колонисты в своей безумной гордыне позабыли, что, имея бомбер над головой, лучше быть смиренными и послушными. А потом их пример заразил Венеру. И тогда бомберы перестали запугивать и начали бомбить.

Маленький «Тушканчик» на фоне «Гордона» выглядел сущей блохой. Но только выглядел. Потому что на «Тушканчике» (он же «Муад-Диб», он же «наш Махди», а то и просто «старина Пол») держал флаг командир группы F адмирал Рашен. А сам «Тушканчик» значился в реестре Адмиралтейства как круизер серии 100 «Пол Атридес».

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

Теоретически Рашен должен был ходить именно на «Гордоне» или на аналогичной дуре серии 105, даром что понастроили их достаточно. Но после одного прискорбного инцидента Рашен поклялся до пенсии летать на круизере, а слово его было крепко. Поэтому на «Гордоне» разместился контр-адмирал Задница со своим раздутым штатом планировщиков, аналитиков и прочих штабных писарей. А Рашен скакал на «Тушканчике» с его тесными каютами, минимумом удобств и небольшим экипажем — и ни на что не жаловался. Корабль, приспособленный ко входу в атмосферу, его вполне устраивал. Однажды такой круизер, «Лок фон Рей», спас ему жизнь. Это случилось ещё в первую марсианскую кампанию, Рашен был капитаном, и на «Фон Рее» он нырнул в Юпитер.

Дежурная смена тогда проворонила врага. Тот самый злосчастный бэттлшип «Энтерпрайз», на котором Ива билась о Фобос и который хронически всю войну переходил из рук в руки, зажал «Фон Рея» на траверзе Юпитера. Обложил самоходными минами, выпустил целое крыло¹ фэйтеров на перехват, отжал к поверхности и начал расстреливать. Деваться было некуда. Рашен спикировал в атмосферу и тонул в ней, пока висящие у него на хвосте фэйтеры не начало ploщить, как консервные банки. Месяц «Фон Рей», кряхтя и стелая, провисел в жуткой пузырящейся каше, под многократной перегрузкой и на пределе своей прочности. Корабль пытку выдержал. Но здорово поломался экипаж. Того и гляди тебя раздавит, ты лежишь в полубоморочном состоянии и едва-едва дышишь, а где-то наверху барражирует здоровенный бэттлшип. И так день за днём. По-настоящему нормальными людьми из этой передраги вышли от силы десять человек во главе, разумеется, с нестигаемым Рашеном. Тех, кто начал трогаться рассудком, доктор накачивал депрессантами и заставлял уснуть. Сам доктор на двадцать восьмые сутки застрелился, потому что медикаменты у него вышли, а психика тоже истощилась, и он решил, что больше никому здесь не нужен. А на тридцатый день «Фон Рей» всплыл, как субмарина, шарахнул «Энтерпрайзу» по отражателям и к едрёне матери все их разнёс. Обошёл потерявшую ход махину по широкой дуге и рванул на

---

¹ Крыло (*здесь*) — дивизион, усиленный дивизион, реже — малая эскадра.

базу. Рашен сдал в психушку экипаж, получил звание командера, Медаль За Наглость и новенький, с иголочки, «Эрик Джон Старк», систершип «Гордона». Но у Рашена после Юпитера в одночасье посидели виски. И на мегадестрое он не пошёл. Потому что этот корабль мог продырявить насквозь планету земного типа, но был не в состоянии войти в сколько-нибудь плотную атмосферу. А зачем нужны плотные атмосферы, Рашен сам уяснил и другим рассказал.

Кроме того, ему совсем не хотелось бомбить сепаратистов. Основной специальностью Рашена был космический бой, он атаковал, разрушал и захватывал корабли повстанцев. А мегадестроееры работали из космоса по поверхности, не разбирая, где там внизу армия ползает, а где просто люди живут. Так что какая слава его ждёт, прими он «Старка», Рашен очень точно вычислил.

И тогда начальник Рашена вице-адмирал Кениг повысил на него голос. При свидетелях он произнёс свою историческую речь, в которой раз десять кряду прозвучало: «Ах, ты, русский наглец!» И при тех же свидетелях Рашен ему ответил. «Все правильно, — сказал он. — Не отрицаю, что наглец. И не отрицаю, что русский. Более того, горжусь своей русской кровью. И как русский офицер, заявляю: я всегда дрался по законам чести и намерен поступать так впредь. Дайте мне хороший корабль и прикажите сбивать плохие корабли. А на этой huevine ходите сами. И бомбите, сколько влезет. А если вам не нравится чьё-то происхождение, то, во-первых, это не по Уставу, а во-вторых, просто неприлично. И впредь, господин вице-адмирал, забудьте моё настоящее имя. Зовите просто — командер Рашен!»

Кениг схватился для начала за сердце, а потом за пистолет. Рашен был в спецкостюме и как раз уже примерился треснуть начальника по голове, что кончилось бы плачевно, но тут подал голос адмирал флота, покойный Хантер.

«Отстань от парня, Гуннар, — приказал он. — Ты не прав. А вы, командер, встаньте смирно. В рамках держитесь, ясно? Значит, так. Сейчас заканчивают ходовые испытания на ещё одном „сотом“. Для себя готовил. А отдаю вам. Звать корабль „Пол Атридес“. На таком дурака валять нельзя: имя обязывает. Идите и готовьтесь его принять, а заодно возьмёте под начало все силы прикрытия группы F. И сколотите мне из них такое лихое крыло, чтобы ни одна марсианская сво-

лочь не отлипла от поверхности. И если через месяц хоть одна краснотазая посудина будет летать, я вас разжалую и посажу. Всё ясно?»

«Так точно, господин адмирал флота, — отчеканил Рашен. — Разрешите доложить. Одна сволочь летать будет. Но плохо и недалеко».

«Это какая же?» — удивился Хантер.

«Да „Энтерпрайз“, будь он неладен», — напомнил Рашен.

Тут Хантер заржал и смеялся долго, наливаясь краской и хлопая себя ладонями по коленям.

«Ладно, — сказал он, отсмеявшись. — „Энтерпрайз“ пусть летает пока. Не до него. А теперь вы идите и воюйте хорошо... командер Рашен».

Так Рашен приобрел своё прозвище, которое приклеилось к нему накрепко. А «Энтерпрайз» доковывлял до Марса только к самому концу войны и прибыл на орбиту донельзя лояльный, с запертыми в карцере офицерами и весь обляпанный демаскирующей белой краской. Некоторое время он ходил под земным флагом, его даже собирались переименовать по-человечески. Потом решили, что бэттлшип морально устарел, отказались от капремонта и решили толкнуть на вторичном рынке. Но коммерсанты «Энтерпрайз» оплевали, сказав, что на корабле с такой потрёпанной ходовой частью нерентабельно возить даже мусор. Тогда разоружённый бэттлшип вернули марсианам, которые умудрились-таки его залатать и поставили новые пушки. В самом начале второй кампании «Энтерпрайз» захватила диверсионная группа землян и отогнала на Венеру. Как выяснилось, зря. Венериане провозгласили суверенитет и долго ещё пугали этим кораблём Землю. Затем «Энтерпрайз» у них отбили, позорно сдали марсианам, ещё какое-то время он воевал в поясе астероидов, пока не столкнулся во второй раз с войсками Рашена и не принуждён был сдаться. Оставленный повстанцами компьютерный вирус сыграл злую шутку с мастер-навигатором Иветтой Кендалл, и на этом история «Энтерпрайза» завершилась...

«Тушканчик» прошёл от «Гордона» в сотне километров, и громадная машина смерти бросила Иве на терминал дежурное ОК. Компьютер сам дал подтверждение — молодцы, несите службу, — и на этом обмен любезностями завершился. А в боевую рубку вва-

лился, в окружении клубов сизого дыма, Фокс. Изо рта у него торчала квадратная в сечении гавана внушительной длины. Под левым глазом бомбардира красовался фиолетовый синяк. И ботинки он, разумеется, где-то забыл.

— Привет, Конфетка! — промычал Фокс, вынул сигару изо рта и пошёл к Иве, широко улыбаясь. — Дай-ка я тебя, солнышко, облизну!

Ива засмеялась, позволила Фоксу отечески чмокнуть себя в макушку и в ответ потрепала по толстой щеке. За последние несколько месяцев склонного к полноте Фокса здорово разнесло. Комбинезон на нём так и топорщился.

Должность у Фокса была «старший эксперт по огневому взаимодействию». Поэтому иначе как бомбардиром его никто не называл.

— Салют, Андрэ! Как твоё самочувствие? — спросил Фокс у Вернера. Эту фразу он произнёс по-французски, чтобы подчеркнуть обращение на ты. Ива удивлённо подняла брови. Ей и в голову не приходило, что Вернера на «Тушканчике» кто-то может давно и хорошо знать.

— Спасибо, Мишель, порядок, — бросил через плечо Вернер. — А ты почему всё ещё с синяком?

— Я его ношу как орден, — гордо ответил Фокс. — Ну, как там у «старика Пола» с отражателями?

— Похоже, заводской брак в одном блоке. Ничего серьёзного. А тебе-то что? Наше дело рулить, твоё дело бомбить... Меньше хода — прицел чётче.

— Мне до всего есть дело, — сообщил Фокс. — Я «старика Пола» люблю всем сердцем. Меня беспокоит любая мелочь. Даже то, что у нашей Линды сексуальный психоз. Конфетка, у тебя был когда-нибудь сексуальный психоз?.. Кстати, ребята, какая из вас получится классная пара! Энди и Кенди!

Ива поманила Фокса пальцем и, когда тот к ней нагнулся, крепко схватила его за нос.

— Ой, де дадо! — взвыл бомбардир. — Я больше де буду!

— Так его, болтуна... — одобрил экзекуцию Вернер.

Ива отпустила нос бомбардира и поймала Фокса за воротник, чтобы не сбежал.

— Ты откуда его знаешь, Майк? — прошипела она Фоксу на ухо.

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

— А что? — шёпотом удивился Фокс, растирая покрасневший нос. — Энди ходил на «Фон Рее». Мы оба из первого экипажа Рашена. Просто меня сразу послали на переподготовку, и я не успел... э-э... Короче, ничего не успел. А Энди... Видела у него планку Сердца? Вот так-то.

— А-а... — протянула Ива многозначительно, ничего толком не поняв.

Фокс распрямился, воткнул сигару в рот и упёр руки в бока.

— На «Тушканчике» теперь просто уникальное общество, — сказал он в полный голос. — Целых четыре Пурпурных Сердца и аж двое русских. Про нас ещё песни сложат. И легенды.

— А кто второй русский? — удивилась Ива.

— Да вон! — Фокс указал сигарой в сторону Вернера.

— Слушайте, Эндрю, он это серьёзно? — не поверила Ива.

Вернер чем-то звонко щёлкнул, с довольным видом подбросил на ладони дефектный блок и задвинул на место контрольную панель. Небрежно швырнул блок в сумку с инструментами, уселся на кресло верхом, сложил руки на спинке и опустил на них подбородок. И посмотрел Иве прямо в глаза, да так, что она впала в окончательное замешательство.

— А почему бы и нет? — спросил он.

— А-а... — в очередной раз сказала Ива.

— А фамилия у него такая для маскировки, — объяснил Фокс. — Чтобы не приставали.

— Трепло, — усмехнулся Вернер. — Вы не слушайте Майка, капитан. Фамилия у меня родная. Предки мои были из обрусевших немцев. И жили Вернеры в России начиная с семнадцатого века и вплоть до самой Заварухи. И потом тоже скрещивались только с чистокровными русскими. Так что я русский на сто процентов. Как адмирал Рашен.

— Кстати, у Рашена тоже имя... — заметила Ива.

— Вполне русское, — не согласился Фокс. — Алекс Успен. Чем тебе не нравится?

Вернер не удержался и прыснул.

— Что такое?! — возмутился Фокс. — Какого чёрта сегодня все надо мной издеваются?! Одна ненормальная за яйца хватает, другая за нос, теперь ты ещё...

— Ну ты даешь, Майк, — сказал Вернер. — Адмирала зовут Oleg Uspensky.

— Быть не может, — отмахнулся сигарой Фокс. — Фамилии на «ский» все еврейские. Как у нашего Жан-Поля.

— Могу открыть штатное расписание, — предложила Ива, кладя руку на контакты своего терминала. — Пока Майк и вам нос не сломал. Вы с ним поосторожнее, Эндрю. Он у нас тот ещё задира.

— Ему не сломаешь, — хмыкнул Фокс и снова окутался клубами дыма. — Ну давай, не тяни, делай запрос. На что спорим?

— Не будет запроса, — сказала Ива, глядя на монитор.левой рукой она выбила дробь на контактах, а правую сунула под пульт и вытащила ботинки.

— Ох, мама! — воскликнул Фокс. — Где моя обувь, вы, астронавты?! Никто не видел мои башмаки?! Куда же я их... — и опрометью выскочил в коридор, чуть не сбив с ног старпома Боровского.

Ива поспешно обувалась. Вернер со спокойной улыбкой смотрел, как на обзорном экране растёт, приближаясь, адмиральский катер.

— О, Жан-Поль! — обрадовался в коридоре Фокс. — Ты ведь еврей?!

— Ну... — хмуро ответил Боровский.

— Фамилии на «ский» все еврейские, ведь так?

— Слышь, ты, поц, — сказал Боровский. — Где твои ботинки?

— Виноват, — пробормотал Фокс и убежал по коридору.

Боровский вошёл в рубку и остановился посередине, заложив руки за спину и покачиваясь с пятки на носок.

— Бар-р-дак! — прорычал он, ни к кому специально не обращаясь.

Вернер подобрал сумку и встал.

— Контроль отражателей в норме, — доложил он.

— А, — сказал Боровский, как будто только что заметил Вернера. — Здравствуйте, Эндрю. Хоть кто-то здесь в состоянии за что-то отвечать. Ну, и?..

— Видимо, дефектный блок. Сейчас я его протестирую на своей машине и тогда смогу дать полное заключение.

— На диверсию не похоже? — неожиданно спросил Боровский. Ива, услышав это, подпрыгнула в кресле и обернулась.

— Не похоже, — ответил Вернер, ощутило понизив голос. — А что?

— Да так, — Боровский неопределённо шевельнул бровью. — Пришёл снизу меморандум о профилактике возможного саботажа. Это, конечно, совершенно не моё дело, но если бы меня спросили... М-да. Вот я и спрашиваю: не похоже?

— Знаете, командер, — сказал Вернер без тени юмора в голосе, — по-моему, в Адмиралтействе у кого-то поехала крыша. А вы — рады стараться.

— Сам-то когда из психушки вышел?! — окрысился Боровский.

— Да я там, может, и вовсе не был... — пробормотал Вернер обескураженно.

— А я — был, — веско сказал Боровский. — И многому научился. Поэтому я всегда помню, что на «сотках» до полутора тысяч деталей, отказ каждой из которых приводит к потере боеспособности корабля. А ещё я помню, что на «Тушканчике» сто человек экипажа. И все основательно тронутые. Во главе с психологом, которая только что хватала меня за яйца. Спрашивается — что ей стоит отвинтить какую-нибудь елду на оружейной палубе и засунуть себе в...? Может, «Тушканчик» без этой елды и не развалится, но...

— Раз вы такой ответственный, подарите ей вибратор, — посоветовал Вернер.

— Да у неё этих вибраторов два ящика. Ей по штату положено. Не в том дело. Ты пойми меня правильно, Эндрю. Мы с тобой здесь отвечаем за боеспособность. Только мы. Ну, ещё твои пятеро шлимазлов, но с них спросу никакого. А больше никто. Ни Кенди, ни тем более этот толстожопый Фокс. Даже адмирал Рашен ни за что на «Тушканчике» не отвечает. Сломать корабль они все могут, это им только дай. А потом спросят. И с кого? С нас. Понял? Так что давай, шевели мозгами. Тем более ты русский...

Ива смотрела, как причаливает адмиральский катер, слушала бредовый разговор за спиной и качала головой. С Вернером она была не согласна. Крыша ехала не только у чиновников Адмиралтейства. На «Тушканчике» тоже потихоньку дурели все. Не исключая старпома Боровского.

— Слушайте, Жан-Поль, — сказал Вернер. — Я вас понял. Все будет ОК. Только вы не расстраивайтесь так.

— Я даже твоего личного дела не видел, — вдруг сказал Боровский с непонятной тоской в голосе.

— А вам и не положено, — неожиданно жёстко заметил Вернер.

— То-то и оно... — вздохнул старпом. — Дежурный! — рявкнул он себе в воротник, туда, где торчал микрофон. — Не слышу доклада!

— У вас же наушника нет, Жан-Поль, — сказал Вернер тихонько.

Боровский пронзил техника безумным взглядом и принялся хлопать себя по карманам в поисках наушника.

— Возьмите, — Вернер протянул старпому маленькую чёрную фишку. — Это мой резервный.

Боровский что-то промычал, схватил фишку и запихнул её в левое ухо.

— Дежурный! — заорал он.

— Что-нибудь случилось, Жан-Поль? — спросил из коридора глубокий и ровный голос.

Боровский судорожно отпрыгнул с прохода и принял строевую стойку.

— Никак нет! — отрапортовал он.

— Это хорошо, — сказал адмирал Рашен. — Добрый день, Иветта. Zdravstvui, Andrey.

— Zdravstvuite, Oleg Igorevich, — сказал Вернер и почтительно склонил голову.

— Как ты здесь? — спросил Рашен, переходя на французский и протягивая Вернеру руку. — Привыкаешь? Не обижают?

— Его обидишь, — ответил за Вернера Боровский. — Он сам кого хочешь обидит до слёз.

— Всё нормально, драйвер, — улыбнулся Вернер, пожимая крепкую руку адмирала.

— Отражатели починил?

— Да ничего там не было, драйвер. Ерундовая потеря контакта.

— Разберёшь «старика Пола» по винтику и соберёшь. Ясно?

— Да, сэр.

— Коммандер Боровский тебе всё обеспечит.

— Да, сэр! — хором ответили старпом и техник.